

Имена существительные общего рода, характеризующие человека по его внешнему виду, в ярославских говорах

С. Л. Гурская

В настоящей статье изложены наблюдения над лексико-семантическими свойствами слов общего рода, характеризующих человека по его внешнему виду, в ярославских говорах. Предпринята попытка выявить наиболее существенные признаки, положенные в основу соответствующих наименований, отражающие важные для диалектоносителей реалии, явления, ценностные установки.

Ключевые слова: диалектная лексикология и лексикография, имя существительное общего рода, лексико-семантическая группа, мотивировочные признаки, ярославские говоры, внешность человека.

The Nouns of a Common Gender Characterizing the Person on His Appearance, in Yaroslavl Dialects

S. L. Gurskaya

In the present article supervision over lexico-semantic properties of words of a common gender are stated characterizing the person on his appearance in Yaroslavl dialects. An attempt to reveal the most essential properties is undertaken which are taken as a basis of the corresponding names, reflecting realities which are important for a dialect speaker, the phenomena, valuable installations.

Key words: dialect Lexicology and Lexicography, a common gender noun, lexico-semantic group, motivation signs, Yaroslavl dialects, person's appearance.

В народных говорах, как и в литературном языке, представлены наименования человека, отражающие особенности его внешнего вида. Как отмечает И. А. Кюршунова, «если говорить о внешности, то нет ни одного объекта, на который бы не обратили внимания наши предки (цвет волос, кожи, рост; особенности строения тела, его отдельных частей; дефекты, приобретенные и наследственные; внешне выраженные последствия болезни и т. д.)» [8, с. 184]. Разнообразие диалектных имен существительных общего рода, оценивающих внешность, свидетельствует о том, что портретная характеристика человека имеет для жителей Ярославского края чрезвычайно большое значение.

В местных говорах имеется группа слов, называющих человека по чертам его лица. Синонимичные наименования пучеглазого человека *высорочка* (Тут.) и *вытараска* (*Эй ты, вытараска, что глаза-то вытаращила?* Угл.) происходят от глаголов *высорочить* (*Ну, что зенки-то высорочила?* Некр.) и *вытараскать* (*Что ты вытараскал глазищи?* Некоуз.), известных ярославским говорам в значении ‘выпучить, вытаращить глаза’ [17, в. 3, с. 57–58]. Возможно, данные слова содержат потенциальную сему ‘выражать удивление, изумление’; ср. значение общерусских фразеологических единиц: *смотреть большими глазами* ‘находиться в крайнем недоумении, изумлении’, *глаза вылезли из орбит* ‘об округлившись, вытаращенных от изумления глазах’ [15, с. 128].

Лексема *вытараска* распространена в ярославских говорах и в иных значениях: ‘человек

небольшого роста со смешной наружностью’ (*Ну и вытараска он у тебя*. Рост.), ‘некрасивый человек’ (*Она у них какая-то вытараска, не знаю и в кого*. Пересл.), ‘человек, стремящийся быть на виду’ (*Везде его спрашивают, суцая вытараска*. Некоуз.), ‘бойкий, вертлявый человек’ (*Ух ты, вытараска, весь извертелся*. Поших.), ‘настойчивый, неотступный человек’ (*Ах ты, вытараска, от тебя ничего не скроешь*. Борисогл.), а также в значении общей неодобрительной оценки (*Настолько ты зла, уж настоящая вытараска*. Рост.) [17, в. 3, с. 58]. Это слово, с одной стороны, характеризует человека по его внешности, а с другой, – по его внутренним качествам и манере поведения.

Человек, выделяющийся размером или формой носа, имеет следующие названия: *дудука* (Пересл.) ‘человек с большим с горбинкой носом’ [17, в. 4, с. 24], *кокоря* (Г.-Ям.) и *курнафёя* (Пересл.) ‘курносый человек’, *курна* (Люб.) ‘человек с изуродованным носом’ [17, в. 5, с. 48; 110], *носова* (Брейт.) ‘человек с большим носом’ [17, в. 6, с. 152], тогда как нормой считается наличие ровного и прямого носа.

«Человек с дефектами лица также получил определенное наименование в народной речи. Так, человек с испорченным оспой лицом (и его лицо) в Угличском р-не называется *корёпа* (*корёпа*)» [16, с. 142]. Это слово, засвидетельствованное и в вологодских говорах (ср.: *И эдакую корёпу он замуж берет* [11, в. 14, с. 324]), соотносится с прилагательным *корёпаний* ‘изрытый оспой (о лице)’ [17, в. 5, с. 66]. В письменности XVI в. отмечено однокоренное образование

кореповатый ‘негладкий, шероховатый’, ср.: «А лицом Фомка смуголь, кореповатъ...» [13, в. 7, с. 311].

Для характеристики невзрачного человека в Брейтовском р-не используется слово *мокоша*, ср.: *И сын-то младший у него мокоша*, прямое значение которого связано с обозначением фантастического существа: привидения (*Говорят, он мокошу там видел*. Тут.) [17, в. 6, с. 52]; нечистого духа в образе женщины, живущей в избе (*Не оставляй кужля, а то мокоша опрядет*. Новг.) [11, в. 18, с. 207]. По-видимому, употребление имени *мокоша* по отношению к некрасивому человеку связано с народными представлениями об отталкивающем внешнем виде данного мифологического персонажа.

Следует заметить, что самые объемные в ярославских говорах группы слов общего рода отражают физические данные человека и своеобразие его фигуры.

Характеристика человека по росту выражается существительными, относящимися к двум антонимичным группам: ‘высокий человек’ и ‘человек маленького роста’. Лексемы первой группы (*бадада, бадыла, веха, долында, долыня, дыба, дыдла, жердина, нагибина, околясина, охлебина, семерина, шоша*), как правило, характеризуют очень высокого, рослого человека, ср.: *Эка нагибина вымахал, под самый потолок* (Пошех.) [17, в. 6, с. 88]; *Охлебина-то зайдет такая, так напугаешься* (Пошех.) [17, в. 7, с. 71].

Слова *дольнда* (Некр.) и *дольня* (Яр.) ‘высокий, нескладный человек’, вероятно, мотивированы прилагательным *долгий* ‘высокий, долговязый’ (*Плохо быть долгим*. Угл.) [17, в. 4, с. 11–12]. Это слово, отмеченное в севернорусских и уральских говорах, ср.: *Долгий мужик. Долгая баба* (вят.); *Долгий мужик-от, нестатный* (среднеурал.), обуславливает появление и других существительных общего рода, называющих высокого человека: *долгуша* (арх.), *должйна* (пск.), *долйна* (вят.) [11, в. 8, с. 105; 109–112].

Для наименования высокого человека в ярославских говорах часто употребляются слова, которые в своем исходном значении называют длинные деревянные предметы. Так, слово *веха*, широко распространенное в местных говорах в переносном значении ‘о высоком худощавом человеке’, в Ярославском р-не зафиксировано в предметном значении ‘жердь, вбитая в землю в середине стога для устойчивости’ [17, в. 3, с. 12]. Насмешливое прозвище человека высокого роста *веха* бытует также в вологодских и архангельских говорах [11, в. 4, с. 208]. Лексема *дыба* как обозначение высокого, нескладного человека

(*Ишь какой дыба вытянулся*. Некоуз.) обнаруживает связь с такими значениями этого слова, как 1) ‘столб, на котором укреплен колодезный журавль’; 2) ‘длинный шест у колодца для подъема воды; колодезный журавль’ [17, в. 4, с. 28]. Основой для возникновения у существительного *жердина* значения ‘высокий и худощавый человек неуклюжего телосложения’ (Люб., Перв., Пошех.) [17, в. 4, с. 44] является значение ‘длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток’, свойственное литературному языку [12, т. 1, с. 478]. Лексема *семерина* ‘человек высокого роста’ (Брейт.) [17, в. 9, с. 25] бытует в московских говорах в значении ‘спиленное дерево длиной в семь аршин’ [7, с. 467]. Данные слова стали обозначать людей большого роста в результате метафорического переноса наименования с объектов материального мира на человека.

Как фонетический вариант просторечного *дылда* распространена лексема с метатезой *дыдла* ‘человек высокого роста, обычно нескладный’ (*Такой дыдла вырос, а ума ни на грош*. Рыб. [17, в. 4, с. 29]), в лексическом значении которой содержится потенциальная сема ‘глупый, бестолковый’, реализованная в приведенном контексте. По замечанию Т. В. Бахваловой, «высокий рост ассоциируется с взрослым человеком, а значит и умелым, толковым, работающим. Если же деловые качества и умственные способности человека находятся в явном несоответствии с его внешними данными, это становится предметом укора, неодобрения, пренебрежительного отношения» [2, с. 41].

Значение ‘низкорослый человек’ имеют в ярославских говорах такие слова общего рода, как *карама, карапатка, коротыга, малыга, маракашка, пигавка*. Оценочные существительные *коротыга* (*Да он у нас коротыга*. Яр. [17, в. 5, с. 71]) и *малыга* (*Он такой малыга*. Брейт. [17, в. 6, с. 31]), характеризующие человека своим прямым значением, образованы от прилагательных *короткий* и *малый*. Эти прилагательные при формировании группы слов общего рода, именующих человека маленького роста, обладают в народных говорах большой словообразовательной активностью, ср.: *коротайка* (пск., твер.), *коротуха, коротушка* (арх.), *коротыга* (яросл., арх., свердл.) [11, в. 14, с. 367; 370]; *малэча* (брян.), *малина* (пск.), *малозейка* (перм.), *малыга* (яросл., новг., нижегор.), *малышка* (орл.) [11, в. 17, с. 325–342].

Основой для наименования низкорослых людей в ярославских говорах могут служить существительные, называющие в прямом значении животных небольших размеров. Так, лексема *ма-*

рака́шка ‘маленький, худенький человек’ (Рост.) [17, в. 6, с. 32], возможно, связана по значению со словом *мараку́шка* ‘мелкий муравей, мурашка’ (твер.) [11, в. 17, с. 368], а *пи́гавка* ‘о человеке небольшого роста’ (Тут.) – со словом *пи́галка* ‘птица чибис; пигалица’ (Данил., Некр., Пересл.) [17, в. 7, с. 105]. Как известно, слово *пи́галица* ‘небольшая птица семейства ржанковых’ употребляется в разговорной речи и как наименование невзрачного, малорослого, тщедушного человека [12, т. 3, с. 120].

Оценка человека по особенностям его фигуры, телосложения, комплекции выражается в ярославских говорах лексемами общего рода, характеризующими, с одной стороны полного, толстого человека: *затетёха*, *лава*, *лупетка*, *развалёха*, *телепега*, *телепенька*, а с другой, – худого человека: *ветошка*, *жимолостка*, *одрина*, *перемотина*, *харавина*, *худорьба*.

Лексические единицы, характеризующие полного человека, содержат в структуре своего значения дополнительные компоненты, указывающие на его неповоротливость, неуклюжесть, вялость, например: *телепе́га* ‘толстый, неповоротливый, неуклюжий человек’ (*Ей бы все сидеть или спать, телепега! Вон телепега неяглый* [‘медлительный, нерасторопный’] *идет*. Рост.), *телепе́нка* ‘неповоротливый, толстый человек; увалень’ [17, в. 9, с. 100–101]. Литературному языку присуще однокоренное слово *те́лепень* ‘неповоротливый, неуклюжий человек’ (*устар.* и *обл.*), ср. у А. П. Чехова: «*Вот еще навязался на мою голову телепень, лежебока*» [12, т. 4, с. 348].

Существительное *ла́ва*, служащее в говорах Некоузского р-на наименованием тучного, толстого человека [17, в. 5, с. 116], широко известно русским народным говорам в значениях ‘деревянная скамейка, лавка’, ‘мостки для полоскания и стирки белья’ и др. [11, в. 16, с. 218–219]. Возможно, это слово, традиционно называющее предметы, изготовленные из толстых бревен и отличающиеся неподвижностью, громоздкостью, неказистостью, стало употребляться и для обозначения лица со сходными качествами. Дialeктоносители из Угличского р-на также связывают между собой два рассмотренных значения этой лексемы, ср.: *Он толстый, лава. Сядет и один всю лавку займет* (д. Подсосенье). Однако для данного слова, характеризующего полного человека, можно предположить связь и с литературными словами *лава* ‘расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом’, ‘неудержимо движущаяся масса людей, животных’ и *лавой* ‘сплошным потоком’ [12, т. 2, с. 158]. При этом

разные значения объединены общей семой ‘большая величина’.

Лексема общего рода *затетёха*, употребляющаяся в значениях ‘здоровый, полный человек’ (*Ничего себе затетёха*. Пошех., Рост.) и ‘вялый, неловкий человек’ (*Ну и затетёха же ты: приехал на лошади, а упряжь вся болтается*. Рыб.) [17, в. 4, с. 107], по-видимому, является однокоренной просторечному слову *тетёха* ‘тетка, баба (обычно о толстой, неповоротливой и недалекой женщине)’ [12, 4: 362]. Итак, полнота человека часто является показателем его неповоротливости, малоподвижности и, как следствие, неприспособленности к труду, что и вызывает негативные эмоции.

Основное значение существительного *лупётка* в ярославских говорах – ‘полное лицо’ (*Ну и тебя и лупетка!* Рыб.), а в Брейтовском и Рыбинском р-нах оно является также экспрессивным наименованием толстого человека [17, в. 6, с. 19]. По данным СРНГ, слово *лупетка* ‘круглое, полное, широкое лицо, рожа’ известно в костромских, владимирских и иных говорах, а значение ‘об очень полном человеке’ присуще архангельским говорам [11, в. 17, с. 200]. Как наименование толстого, полного человека (ср.: *Ну и лупетка! В шестой класс пойдет, а весит большие матери*) эта лексема бытует и в вологодских говорах [10, в. 1989 г, с. 55]. По-видимому, в данном случае произошло метонимическое расширение значения: название части стало названием целого.

Наименованием очень худого человека является экспрессивное существительное *худорьба́* (ср.: *Худорьба такая стала*. Г.-Ям.) [17, в. 10, с. 41] с мотивационным признаком, выраженным непосредственно. Но большинство существительных, называющих худого человека, по словам Т. В. Бахваловой, «являются образными субстантивами, то есть словами, мотивационный признак которых выражен ассоциативно» [3, с. 99]. Так, в пошехонских, любимских, ростовских, переславских говорах имеется слово *жимоло́стка* ‘тонкая палочка, которой закрепляют концы пряжи’, употребляющееся в Любимском р-не и как существительное общего рода, называющее тощего человека, ср.: *Эта жимолостка даже мясо не ест* [17, в. 4, с. 47].

В Тутаевском р-не в качестве оценочного зафиксировано слово *одрина́*, ‘о худом человеке’, ср.: *Пришел такой одрина* [17, в. 7, с. 37], которое в псковских говорах имеет значение ‘старая, изнуренная скотина’ [6, т. 2, с. 1686]. По данным СРНГ, однокоренное существительное *о́дрань*

женского рода известно многим севернорусским, уральским и другим говорам как наименование старой, истощенной домашней скотины, ср. в поговорке: *Одрань с одранью и чешется* (пенз.), а в архангельских говорах оно употребляется по отношению к человеку в значении ‘ободранный’ [11, в. 23, с. 63]. Лексема *харавіна* ‘тощий, худой человек’ (Пошех.) [17, в. 10, с. 30] представлена в «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) в значениях ‘тощая скотина’, ‘падаль’ с пометой «*волог.*» [9, с. 245].

Прилагательное *ветхий* ‘пришедший в негодность от времени, от употребления // немощный и слабый от старости, дряхлый’ [12, т. 1, с. 158–159] мотивирует употребление слова *ветóшка* в ярославских говорах как в предметных значениях ‘марля или какой-нибудь старый материал, которым покрывают слой ваты, подводимый под верхнюю зимнюю одежду’ (Пересл., Рыб.), ‘мочалка для бани или мытья посуды’ (Яр.), ‘пеленка’ (Пошех.), так и в переносном значении ‘о худом, тощем человеке’ (Люб.) [17, в. 3, с. 10]. Лексема *перемóтина*, являющаяся в пошехонских говорах наименованием очень изношенной вещи, в других районах используется для обозначения тощего, худого человека или животного, ср.: *Смотри-ка, какая перемотина стала!* (Рыб.) [17, в. 7 С. 96]. Таким образом, в основу многих номинаций худого человека положен мотив неполноценности, изнуренности, ветхости. Излишняя худоба воспринимается как признак старого и слабого, а значит, неспособного хорошо работать человека.

Характеристика хилого, болезненного человека дается в ярославских говорах такими существительными общего рода, как *вялуха, задоха, здыхлятина, лахудра, лежень, ляделка, лядина, мозглятина, неведря, раскиня, расхляба, сумеря, халява, хворышка, чеканаха, чеканашка*; большинство из них произошло либо от глаголов, либо от прилагательных. Например, бытующая в Рыбинском р-не лексема *хворышка* образована от глагола *хворать* ‘болеть’, свойственного разговорной речи [12, т. 4, с. 596].

Словообразовательные синонимы *ляделка* (Пересл., Рост.) и *лядіна* (Рост., Брейт., Данил.) мотивированы глаголом *лядѣть* ‘болеть // слабеть, чахнуть (от болезни)’ [17, в. 6, с. 24–25], засвидетельствованным во многих русских говорах в значениях: 1) ‘слабеть, чахнуть, хиреть’ (волог., влад., твер., новг.) и 2) ‘болеть’ (костр., влад., калин., нижегор., тамб.), ‘долго болеть’, ср.: *Лядеет и лядеет, а не умирает* (костр., моск., тамб., пенз.), ‘часто болеть’ (молог.) // ‘страдать тяжелой болезнью’ (моск.) [11, в. 17, с. 263].

Можно предположить, что в этих однокоренных образованиях содержится указание на источник, причину болезни (‘болезнь от нечистого’), ср. у В. И. Даля: «*ляд*, все негодное и недоброе, дух пакостей, нечистый, черт. // Тяжкая и безобразная болезнь, проказа и пр.» [6, т. 2, с. 742]. Заметим, что в говорах Переславского р-на лексема *ляделка* употребляется по отношению к плохому, негодному человеку, а *лядина* является бранной характеристикой подлого и низкого человека [17, в. 6, с. 24–25].

По мнению Т. И. Вендиной, во внутренней форме глагола *исцелить* «лежит признак целого, неповрежденного, а значит – здорового. В названиях же больного или умирающего человека этот признак утрачивается» [4, с. 81]. Наши материалы содержат такие лексемы, объединенные признаком ‘отсутствие целостности, неразрывности’, как *раскіня* (Больш.) [17, в. 8, с. 121] – от *раскінуть* ‘широко расставить, развести свои руки, ноги’ [12, т. 3, с. 643] и *расхляба* (*Ну какой же ты расхляба: и прошли совсем немного, а у тебя уж и заболело все*. Рост.) [17, в. 8, с. 127] – от *расхлябать* ‘расшатать, ослабить тряской, качанием’ [12, т. 3, с. 679], (ср. у В. И. Даля: «*Здоровье расхлябалось, старик совсем расхлябался*, хил, слаб, у него хлипкое здоровье» [6, т. 3, с. 1646]).

Слово *задóха* (Некоуз.) [17, в. 4, с. 70] мотивировано просторечным прилагательным с пренебрежительной окраской *дохлый* ‘хилый, тщедушный, слабосильный (о человеке)’ [12, т. 1, с. 441]. В костромских и курских говорах это существительное имеет более узкое значение, так как называет человека, сильно кашляющего, задыхающегося при кашле, страдающего удушьем, одышкой [11, в. 10, с. 66], а не больного человека вообще.

Лексема *вялу́ха* (Некр.) [17, в. 3, с. 64] связана по значению с прилагательным *вялый* ‘медлительный от усталости, слабости’, ‘лишенный живого интереса к окружающему, равнодушный и бездеятельный’ [12, т. 1, с. 295]; *лахудра* (ср.: *Уезжал – был здоровый, а вернулся лахудра лахудрой*. Мышк.) [17, в. 5, с. 122] – с *лахудрый* ‘тощий, плюгавый, грязный, растрепанный’ (вят.) [6, т. 2, с. 620]; *мозглятина* (ср.: *Ну, мозглятина, все ты хвораешь*. Рост.) – с *мóзглый* ‘болезненный’ (Рост., Рыб.) [17, в. 6, с. 51]; *халява* (ср.: *Какая ты халява*. Данил.) [17, в. 10, с. 30] – с *халявый* ‘вялый, хилый, безжизненный’ (пск.) [6, т. 4, с. 1165]. Данные слова, характеризующие больного человека, прямо указывают на его непригодность к полноценной жизни, к труду.

Описанные группы существительных общего рода именуют человека по особенностям его внешнего вида: слишком высокому или маленькому росту, излишней полноте или худобе, а также отсутствию жизненной силы, здоровья. Более заметными, естественно, являются физические недостатки, изъяны внешнего облика. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных. Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков: при этом выбирается наиболее различительный – то, чем человека отметила природа» [1, с. 11].

Человек, имеющий горб, в литературном языке получил название горбуна или горбуны, а в ярославских говорах обозначается словообразовательными синонимами *горбуша* (Г.-Ям., Люб.) и *горбушка* (Мышк.) [17, в. 3, с. 96].

В качестве номинаций человека с поврежденной, недееспособной рукой употребляются лексемы *ка(о)пару́чка* (Пошех.), *копа́ля* (Некоуз.) [17, в. 5, с. 19; 61], *макля́* (*Не гляди, что макля, а ловко дрова колет.* Брейт.) [17, в. 6, с. 29]. При этом два первых слова, вероятно, являются родственными, мотивированными глаголом *копаться*, употребляющимся в разговорной речи в значении 'делать что-либо слишком медленно или неумело; возиться' [12, т. 2, с. 99].

Хромой человек обозначается словами общего рода *канды́бала* (Рост.) [17, в. 5, с. 18] и *хóдя* (Больш.) [17, в. 10, с. 36]. Первая лексема, употребляющаяся как бранное слово, может быть мотивирована либо глаголом *кандыба́ть* 'хромать' (*Кешка Кирилиных кандыба́ет на одну ногу*), либо прилагательным *канды́бий* 'хромой' (*Сам танцевать не может кандыбой-то ногой и ей не дает*), зафиксированными в иркутских говорах [11, в. 13, с. 40]. Слово *ходя* соотносится с глаголом движения *ходить*, несовершенный вид которого «выражает действие в его течении, длительности» [14, с. 168], и называет, по-видимому, человека, передвигающегося очень медленно в силу своего физического недостатка. Близко по значению к рассмотренным словам существительное *ша́вля* 'шаркающий при ходьбе ногами и часто запинаящийся человек' (Некр.), образованное от глагола *ша́вли́ть* 'медленно ходить, шаркая ногами' [17, в. 10, с. 68]. Данные черты получают в ярославских говорах, как правило, негативную оценку, так как отрицательно влияют на качество и результативность работы.

Итак, слова ярославских говоров, обозначающие человека по его внешнему виду, составляют несколько ЛСГ и микрогрупп. Среди проанализированных существительных общего рода преобладают словообразовательно и семантически мотивированные наименования. Последние «связаны с "бытийным принципом номинации" (Е. Л. Березович), при котором человек получает наименование в результате сравнения с конкретными предметами быта, явлениями окружающей его действительности» [5, с. 11]. Наши материалы, в основном, доказывают, что «призмой, через которую оценивали внешние данные человека, было отношение к труду. Толстый, худой, больной, искалеченный, старый... не мог полноценно трудиться. В обществе, где большая часть работ выполнялась коллективно, такие отклонения были особенно заметны» [8, с. 186].

Сокращенные названия районов Ярославской области

Больш. – Большесельский, Борисогл. – Борисоглебский, Брейт. – Брейтовский, Г.-Ям. – Гаврилов-Ямский, Данил. – Даниловский, Люб. – Любимский, Мышк. – Мышкинский, Некоуз. – Некоузский, Некр. – Некрасовский, Перв. – Первомайский, Пересл. – Переславский, Пошех. – Пошехонский, Рост. – Ростовский, Рыб. – Рыбинский, Тут. – Тутаевский, Угл. – Угличский, Яр. – Ярославский.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Аномалия и язык (к проблеме языковой «картины мира») [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
2. Бахвалова, Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности [Текст] / Т. В. Бахвалова. – Орел, 1996.
3. Бахвалова, Т. В. Лексика орловских говоров, характеризующая человека по внешнему облику [Текст] / Т. В. Бахвалова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1994. – СПб., 1996. – С. 99–104.
4. Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры [Текст] / Т. И. Вендина. – М., 2007.
5. Гапонова, Ж. К. Лексика могологических (ярославских) говоров XIX–XX вв. (историко-лексикологический и этнолингвистический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ж. К. Гапонова. – Ярославль, 2008.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Текст] / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. [Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг.] – М., 1998.
7. Иванова, А. Ф. Словарь говоров Подмоскovie [Текст] / А. Ф. Иванова. – М., 1969.

8. Кюршунова, И. А. Реконструкция портрета русского человека в языковой картине мира по данным исторической региональной антропониимии [Текст] / И. А. Кюршунова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. – Том 13. – С. 184–189.
9. Опыт областного великорусского словаря [Текст]. – СПб. , 1852.
10. Словарь вологодских говоров: в 12 вып. [Текст]. – Вологда, 1983–2007.
11. Словарь русских народных говоров [Текст]. – М. ; Л. (СПб.), 1965–2007. Вып. 1–41.
12. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. , 1981–1984.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. , 1975–2002. Вып. 1–26.
14. Современный русский язык: в 3-х ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология [Текст] / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М. , 1981.
15. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. , 2001.
16. Ховрина, Т. К. Наименования человека по внешности в ярославских говорах [Текст] / Т. К. Ховрина // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995. – СПб. , 1998. – С. 140–145.
17. Ярославский областной словарь: в 10 вып. [Текст] / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.